

Научная конференция «Новые европейские исследования современного Китая»

2–4 июля 2014 г. в Представительстве ЕС в Китае и Монголии по инициативе Французских центров изучения современного Китая в Гонконге и Пекине состоялась научная конференция по теме «Новые европейские исследования современного Китая». По задумке организаторов целью мероприятия, которое проводилось во второй раз (первый — в 2012 г.), стал обмен мнениями между молодыми учёными из Европы или связанными с европейскими учреждениями исследователями, которые работают или учатся в Китае. Всего в конференции приняли участие 65 учёных. В 11 тематических секциях конференции было представлено 46 докладов.

С приветственным докладом выступила профессор социологии Университета Цинхуа **Го Юйхуа**. Она посвятила свой доклад тяжёлому положению трудовых мигрантов в китайских городах, прибывших из сельской местности: проблемам самоубийств, высокого уровня заболевания, плохого доступа детей трудовых мигрантов к образованию. Го Юйхуа назвала создавшуюся в Китае систему «уникальным альянсом между капиталом и властью»: государство ограничивает трудовых мигрантов посредством системы прописки «хукоу», подавляет их, когда они выступают с требованиями улучшения условий жизни и труда, а хрупкий социальный мир поддерживает методами пропагандистской работы.

Далее участники конференции разделились на 11 секций по следующим темам: международные отношения, правовые и институциональные реформы, государственная политика и проблемы окружающей среды, китайская экономика в условиях глобализации и неравенства, китайская экономика и валютная политика, гражданская активность, транснациональные миграции, политика на низовом уровне (grassroots politics), эволюция нормативных стандартов в сельском Китае, религия, альтернативные городские субкультуры. Остановимся на самых интересных, по нашему мнению, докладах.

В самой большой секции — по международным отношениям — **Константинас Андрияускас** (Konstantinas Andrijauskas, Вильнюсский университет) проанализировал, каким образом региональное соотношение сил между Россией и Китаем влияет на российско-китайское стратегическое партнёрство. По его мнению, за первые 13 лет XXI века соотношение регионального влияния России и Китая изменилось, как и соотношение их глобального влияния, не в пользу России. На фоне спада регионального влияния Москвы Пекин наращивал влияние в Северо-Восточной Азии и усиливал проникновение на постсоветское пространство. Конкуренция за региональное влияние, по мнению К. Андрияускаса, является главным вызовом для успешного российско-китайского стратегического партнёрства.

Привлёк внимание доклад **Томаса Штиглера** (Thomas Stiegler, Гонконгский университет) о китайско-европейской дипломатии в области прав человека, в котором были проанализированы коммуникации китайско-европейских саммитов высшего уровня. В результате Т. Штиглер пришёл к выводу о том, что «в то время как Евросоюз стал с пониманием относиться к китайским позициям культурного релятивизма («равноправие и

взаимное уважение») и сотрудничества («диалог») и стал меньше настаивать на универсальности и обязательности прав человека, Китай, в свою очередь, все чаще облекает политические обязательства в язык прав человека, развивая собственную активную многостороннюю дипломатию прав человека». По мнению учёного, эти изменения свидетельствуют о формировании новой модели отношений между Китаем и ЕС. ЕС, который традиционно считался обладателем нормотворческой власти в сфере прав человека, становится «посредником» в этой сфере, в то время как Китай превращается в ответственную державу. Изменение в подходах заключается в том, что ЕС в качестве нормотворческого агента считал своей задачей способствовать развитию стандартов прав человека в Китае и бороться с отличными точками зрения. Теперь ЕС в качестве посредника видит свою новую роль в сотрудничестве с Китаем для совместной работы по улучшению стандартов прав человека при сохранении готовности с пониманием воспринимать отличные точки зрения. В процессе становления Китая как ответственной державы происходит переосмысление им стандартов прав человека, он приспосабливается к европейским взглядам и в свою очередь начинает продвигать свою точку зрения на международной арене. Китаю удалось перевести ЕС из области нормотворчества в сферу посредничества путем акцентирования культурной относительности прав человека и постановки задачи перехода от конфронтации к сотрудничеству. В то же время ЕС преуспел в приобщении Китая к мировому дискурсу защиты универсальных прав человека, убедив его в том, что только говоря о правах человека, можно добиться уважения в мировом сообществе.

Ещё один представитель Гонконгского университета **Анна Коста** (Anna Costa) рассмотрела противоречия между Китаем и Японией по вопросу островов Дяоюй (Сенкаку). Она оспорила точку зрения, в соответствии с которой спор «глубоко уходит корнями в историю». По мнению А. Коста, «противоречивые интерпретации истории <...> являются частью дипломатической стратегии Пекина и Токио с целью узаконивания собственных позиций» в условиях продолжающегося после холодной войны формирования региональной архитектуры безопасности. Таким образом, «создавшееся представление о связи настоящего с историей — это лишь симптом сегодняшней напряжённой ситуации, а не её определяющая причина».

Доклад **Мгера Саакяна** (Академия наук Армении, Нанкинский университет) был посвящён позиции Китая по проблеме северокорейского ядерного оружия. Он пришёл к выводу о том, что Китай осуждает ядерную политику Северной Кореи и рассматривает её как дестабилизирующий фактор в регионе, создавший прецедент для милитаризации, а гипотетически и «нуклеаризации» Южной Кореи и Японии. Китай был бы вполне заинтересован в изменении характера северокорейского режима, если бы не соображения двоякого рода. Во-первых, императивом является удерживание американских войск на расстоянии от восточных границ Китая, что заставляет Китай противиться объединению Кореи. Во-вторых, опасения Пекина вызывают потоки беженцев, которые могут хлынуть в Китай в случае нестабильной обстановки в КНДР. Таким образом, баланс позиции Китая состоит в том, чтобы осуждать Северную Корею и поддерживать санкции против неё при принятии резолюций в СБ ООН, одновременно способствуя поддержанию жизнеспособности КНДР.

Доклад **Паскаля Абба** (Pascal Abb, Немецкий институт глобальных и региональных исследований) был посвящён роли китайских мозговых центров по внешней политике в формировании общественного мнения по вопросам международных отношений путём выступлений в СМИ. Докладчик пришёл к ряду выводов. Во-первых, китайские внешнеполитические аналитические центры и их сотрудники стали в последние годы самостоятельным голосом в китайской общественной сфере. Хотя они, несомненно, отражают «китайский взгляд» на события, однако неверно полагать, будто занимаемая ими позиция — лишь механическое повторение официальной точки зрения. На самом деле, сходство их взглядов с официальной позицией связано, в том числе, и с тем, что эти экс-

перты участвуют в выработке внешней политики Китая. Публикация комментариев в СМИ поощряется аналитическими центрами, а эксперты обладают существенной свободой, особенно при комментировании сравнительно новых вопросов международных отношений, по которым официальное мнение ещё не чётко сформулировано. Во-вторых, в качестве акторов формирования общественного мнения по вопросам международных отношений эксперты занимают ключевое положение в политической системе Китая как посредники между элитами и широкой общественностью. «Несмотря на то, что Китай является весьма авторитарным государством, — отметил П. Абб, — политика правительства далеко не изолирована от общественного мнения». В-третьих, тематика публикаций свидетельствует о том, что Китай становится подлинно глобальным актором международных отношений. Охват обсуждаемых экспертами вопросов, хотя и остаётся смещённым в сторону ближайшего окружения Китая, всё больше распространяется и на такие географически удалённые регионы и острые вопросы, как Сирия, Украина или финансовый кризис в Еврозоне. В-четвёртых, анализ различий в позиции отдельных аналитических центров и исследователей свидетельствует о становлении их «брендов». Тесная интеграция между различными институтами и агентствами, существовавшая в прошлом, уже распалась. Эти изменения представляют собой важное свидетельство либерализации управления в Китае.

В секции, посвящённой правовым и институциональным реформам, **Лариса Смирнова** (Сямэньский университет, ИДВ РАН) рассказала о процессуальных особенностях расследования и судебного рассмотрения дел о коррупции высокопоставленных чиновников в Китайской Народной Республике (КНР). По мнению автора, в настоящее время Китай находится в поиске баланса между эффективностью сбора доказательств и преследования коррупции, с одной стороны, и повышением степени доверия к своей антикоррупционной системе, с другой, о чём свидетельствуют, в частности, реформы системы проверки партийной дисциплины после 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.).

В секции по экономике Китая в условиях глобализации **Ван Фэйчэн** (Ноттингемский Университет, кампус в г. Нинбо) рассказал о влиянии глобализации на неравенство доходов в Китае. В качестве мер глобализации были взяты открытость торговли и рынка капитала. Выявлена положительная прямая взаимосвязь между глобализацией и ростом зарплат. Открытость торговли взаимосвязана с сокращением неравенства в доходах между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, а открытость рынка капитала, наоборот, с увеличением такого неравенства.

В секции по экономике Китая и валютной политике **Кэ Син** (Франкфуртская школа финансов и менеджмента) проанализировала транспарентность валютной политики КНР, используя все доступные доклады о валютной политике Китая и протоколы заседаний Комитета по валютной политике за 2003–2012 гг. В результате исследования она выяснила, что хотя Центральный банк КНР, который Кэ Син образно назвала «затаившимся драконом», контролирует основы валютной политики, повысилось влияние ещё четырёх учреждений («крадущиеся тигры»). Речь идёт о Национальном бюро статистики КНР, Государственном управлении валютного контроля (ГУВК), Министерстве финансов и Ассоциации банков Китая.

В секции, посвящённой эволюции нормативных стандартов в сельском Китае, доклад **Андреа Пиа** (Andrea Pia, Лондонская школа экономики и политических наук) был посвящён изменениям отношения к праву в китайской деревне. «Модернизация восточно азиатских стран обычно включала реформу правовой системы, — отметил А. Пиа. — Китай также стал свидетелем нескольких этапов таких реформ». Конкретно сегодняшняя стадия реформ является уже третьим масштабным правовым переходом. Предреволюционная китайская элита сочла, что унаследованная ими правовая традиция была в значительной степени иррациональной (по известному определению Макса Вебера) и

импортировала западную правовую систему, находившуюся в противоречии с законами, являвшимися до этого краеугольным камнем империи. После прихода к власти коммунистов западная правовая традиция стала считаться инструментом классового господства. Вследствие этого, обе правовые системы были отвергнуты коммунистами: буржуазное право Запада и традиционное «феодалное» право Китая. С момента начала «политики реформ и открытости» китайское правительство вновь стремится создать современную правовую систему. Однако согласно официальной точке зрения, традиции в очередной раз становятся препятствием для модернизации Китая. Чтобы оценить, насколько традиции действительно стоят на пути реформ, А. Пиа провёл этнографическое исследование в период с сентября 2011 г. по январь 2013 г. в сельской местности провинции Юньнань. На основе эмпирических данных он пришёл к выводу, что в сельских районах Китая, действительно, существует два способа регулирования социальной жизни: посредством закона («*хэфа*») и посредством разума или обычаев («*хэли*»). Сельчане, как правило, стремятся использовать второй способ. Однако, по мнению А. Пиа, связано это не только и не столько с отсталостью сельских жителей и непонимания ими современных способов регулирования социальных конфликтов. Причиной является скорее то, что они воспринимают закон в качестве инструмента в руках государства для лишения прав простых сельчан. Закон лишает крестьян собственности, прежде всего, земли, а также права на участие в общественной жизни. Обращение же к «разуму и традиции» позволяет сохранить за собой все эти права.

Помимо этих докладов, на конференции прозвучали интересные презентации об управлении отходами в Китае (Карло Ферри — Carlo Ferri, Оксфордский университет и Тао Дуньянь — Tao Dongyan, Пекинский университет), об альтернативных субкультурах (панках) в Китае (Натанель Амар — Nathanel Amar, Парижский институт политических наук), о корнях экстравагантности китайской городской архитектуры (Мари Маззилли — Mary Mazzilli, Наньянский технологический университет, Сингапур), о китайских телесериалах, транслируемых каналами CCTV на иностранных языках, как источнике продвижения мягкой силы Китая (Даниэль Мадрид-Моралес — Daniel Madrid-Morales, Городской университет Гонконга), о правопорядке в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (Алессандра Каппеллетти — Alessandra Kappelletti, Неаполитанский восточный университет Л'Ориентале), о китайских иммигрантах в Африке (Жюльен Ражаосон — Julien Rajaoson, Институт политических наук Гренобля, Франция) и многие другие.

Следующая аналогичная конференция намечена на 2016 г.